

Вадим Руднев.

Новая модель
сновидения.

М.: Академиче-
ский проект,
2014. — 212 с.

Ловец снов

Книга Вадима Руднева посвящена тому, о чем Людвиг Витгенштейн наказывал молчать. Из личного опыта всем известно, что говорить о снах действительно невозможно. Попытки их описания увенчиваются успехом крайне редко, и даже психоаналитики в последнее время перестали отождествлять пересказ сна с самим возможным сном (к их счастью, те ассоциации и детали, которыми обрастает сон в процессе вспоминания и пересказа, не менее важны для анализа). Как бы то ни было, Руднев отважно и вдохновенно пытается, пробиваясь сквозь беспомощность нашего языка, буквально проговорить фундаментальную проблему определения и описания сущности сновидений.

Для культуры XX века тема связи, соотношения и взаимопересечения сна и реальности является одной из самых важных и продуктивных. Но все размышления о феномене сна обычно сводятся к двум основным вопросам, первый из которых можно назвать практическим (как и зачем толковать сны?), а второй — онтологическим (какова природа снов?). Автор книги в той или иной степени дает ответы на оба вопроса. Однако размышления его нельзя назвать последовательными, что, заметим, нисколько не мешает восприятию текста («Последовательность — суеверие недалеких умов», — говорил Ральф Эмерсон). Само название — новая модель сновидения — предопределено контекстом прошлых работ Руднева (как еще мог назвать свою книгу о снах автор, написавший книги «Новая модель шизофрении» и «Новая модель бессознательного?»). Если бы перед нами стояла задача дать этой работе более точное и строгое заглавие, то получилось бы что-то вроде «Феноменология и семиотика сновидения».

Для начала несколько слов о стиле книги. Она написана в яркой, оригинальной манере, которая характерна для всех последних работ Руднева, начиная с книги «Новая модель бессознательного». Размышление над серьезными научными и философскими вопросами облечено в запоминающуюся художественную форму. Этот стиль Руднева можно назвать «потокос сознания и бессознательного», это самоанализ, в котором есть

и фрейдовские свободные ассоциации, и юнговское активное воображение, и лакановское проговаривание. Да, бессознательное Руднева хорошо структурировано. Несмотря на внешнюю спонтанность и ртутность, речь автора логична и ясна. Возможно, кто-то назовет стиль этой работы ненаучным, но, скажем так, функция оправдывает форму. Если автор ставил перед собой цель передать нам какие-то конкретные мысли и вовлечь нас в размышление над конкретными вопросами, то ему это удалось — функция была реализована, а значит, стиль был избран верно. В конце концов, разве научный дискурс не эволюционирует? Возможно, такой способ подачи материала вскоре станет шаблонным жанром в рамках стиля научной прозы.

Итак, немного скользнув по форме, перейдем к содержанию. Книга начинается с внутреннего диалога «психоаналитика» с «пациентом», и далее, страница за страницей, автор производит что-то вроде феноменологической редукции сновидений. Руднев пытается очистить понятие сновидения от всевозможных клише, семантических и ассоциативных напластований. «Бог, избавь меня от Бога!» — молился Майстер Экхарт. Он жаждал освободиться от любых предварительных суждений и установок. Так же и автор «Новой модели сновидений» ищет материал для размышления над снами в самих снах, избегая толкований и рационализаций. А мы постепенно начинаем понимать, что само сновидение и есть феноменологическая редукция, примененная непосредственно к реальности. Сон — это реальность *par excellence*, «желание реальности», как пишет сам Руднев.

Наиболее интересными кажутся размышления о снах с точки зрения семиотики. Автор справедливо отмечает, что всякое сновидение семиотически неопределенно, поскольку не имеет плана выражения. Из этого неизбежно следует другой вывод: сон не есть знак. И этот вывод ставит под вопрос смысл всей психоаналитической и стоящей за ней многовековой традиции толкования сновидений. Древние (во всяком случае мы приписываем им этот обычай) использовали сонники, в которых содержалось точное и универсальное истолкование практически любого увиденного во сне образа; революционер Фрейд населил сны вытесненными желаниями и подавляемыми влечениями; Юнг первым встал на защиту сновидческих образов: увиденное во сне дерево означает... дерево (а уже потом — амплификация и метод свободных ассоциаций). И вот, наконец, Руднев говорит нам: «Сновидение не надо истолковывать, его нужно просто пережить». В этом нет ни нарочитой парадоксальности, ни эпатажа.

Но чем в таком случае сон отличается от мысли? Ведь она вроде бы тоже не имеет плана выражения. А вот и нет, мысль есть осмысленное высказывание, — отвечает нам Руднев словами Витгенштейна. А сон — круглый квадрат (это уже его собственная дефиниция). Абсурдность этого определения роднит его с образно-символическим языком апофатического богословия. Православные мистики называли Бога «безымянным именем», «неизреченным словом» не ради красного словца. Противоположность, или несовместимость, на уровне значения зачастую позволяет выявить внутренний смысл явления.

Немного сумбурной получилась заочная полемика автора с Гурджиевым, учение которого сильно повлияло на Руднева-мыслителя. В книге оспаривается тезис Гурджиева о том, что человек есть спящая машина, то есть что человек спит, когда думает, что бодрствует. Руднев утверждает обратное: когда человек спит, он на самом деле бодрствует, то есть сон и не-сон образуют континуум, который и есть наша реальность. Во-первых, если уж «состояние, которое все называют сном» и «состояние, которое все называют бодрствованием» действительно образуют некий континуум, то не все ли равно, как его назвать. Во-вторых, оспариваемый тезис Гурджиева заряжен, на наш взгляд, преимущественно педагогическим и риторическим пафосом, в то время как полная гурджиевская «теория сновидения» представляет собой довольно сложную систему, которая связана с его учением о трех центрах¹.

1. Подробнее см.: Гурджиев Г. Взгляды

**Возмутитель спокойствия:
две историко-философские работы
Яакко Хинтикки**

Яакко Хинтикка редко прибегает к написанию работ книжного формата. В определенном смысле исключением являются две его работы из серии о современных философах, опубликованных издательством *Wadsworth*, которые переведены на русский язык и сейчас изданы в формате небольших книжек. Они посвящены философу Людвигу Витгенштейну и математику и логике Курту Гёделю.

Сочинениям Хинтикки свойственны предельная ясность и точность, сочетаю-

Подытоживая, хочется высказать признательность Рудневу за эту работу, написанную с присущей ему откровенностью и прямотой. Этот пронизательный текст, свободный от всего наносного и формально-канцелярского, напоминает беседу со старым другом, одну из знакомых всем дискуссий «на кухне». При этом очевиден предельно высокий уровень научного и философского рассуждения, мы буквально ощущаем сгущение и концентрацию мысли.

Книга «Новая модель сновидения» — часть начатого Рудневым большого дела очищения умов от дурной академичности и цехового суемудрия. И начал он, как настоящий ученый, с себя.

Валентин Фролов

из реального мира. М.: Энигма, 2012.
С. 135–142.

щиеся временами с изысканным стилем и образностью. В этих двух книгах Хинтикка был верен себе, и не только в стиле преподнесения материала. В своем творчестве Хинтикка часто является возмутителем спокойствия, предлагая революционные ревизии устоявшихся представлений, серьезное отношение к которым он заслуживает своими блестящими результатами. Несмотря на то что о Витгенштейне и Гёделе написано так много, что трудно представить что-то новое, Хинтикка сумел привнести в эти описания и обсуждения в высшей степени оригинальные собственные идеи.